

— Так, так, так, — сказала Тринити, направляясь к Погремушке.

Тот поднял глаза и посмотрел на приближающуюся девочку. Тринити уткнула руки в бёдра и шествовала с сильно преувеличенной расслабленностью.

— Неужели это великий кашкоголовый собственной персоной, — продолжила она свою напыщенную речь.

Погремушка медленно встал и оглядел улицу. В этот момент Эмили слегка отступила назад, чтобы спрятаться поглубже в тень переулка. Ей также пришлось оттащить за собой Тедди, поскольку девочка-медведь была в одном шаге от того, чтобы выйти и оказаться в поле зрения злодея.

— Что ты делаешь? — спросил Погремушка. Его слова едва доносились до Эмили.

— Я смеюсь над тобой, — ответила Тринити, после чего театрально взмахнула руками и указала на Погремушку. — Кашкоголовый, плаксивый дурень, куриная задница... эм ...

Она запнулась, очевидно, внезапно исчерпав запас оскорблений.

— Козявка вместо мозгов, — предложила Мэйпл.

— Капиталист, — добавила Тедди.

— Я не знаю, подействует ли подобное оскорбление на человека его возраста, — сказала Афина. — Но всё равно назови его пустоголовым лоботрясом.

— Ох, — сказала Алеа Иакта. — Болван! Простофиля. Э... может, недоумок?

Все девочки кивнули, после чего обратили свое внимание на Эмили и Гламазон.

— Я не собираюсь участвовать в... что бы это ни было, — сказала Гламазон.

Эмили кивнула, соглашаясь с ней.

Та Тринити, что стояла на улице, ухмыльнулась.

— Ты просто капиталист, у тебя козявки вместо мозгов, и вообще ты болванофиля.

— Мне кажется, последний вариант звучит неправильно, — сказала Мэйпл.

— Ме, главное, что он передаёт суть, — пожала плечами Тринити, стоящая рядом с ней. И она была права. Погремушка выглядел основательно раздражённым. Он медленными и осторожными шагами направился к Тринити.

— Это не может быть правдой, — сказал он. — Из всех бесполезных масок, почему сегодня здесь оказалась именно ты? Ты хоть представляешь, как сильно я хочу сейчас надрать кому-нибудь задницу?

— Пфф, мелкий здоровяк, ты не смог бы надрать мне задницу, даже если бы попытался, — фыркнула Тринити, после чего потянула средним пальцем за нижнее веко и показала Погремушке язык. — Я слишком крута.

— Я буквально побеждал тебя раньше, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Тринити задумалась, но вскоре пожала плечами, гордо выпрямилась и заявила:

— Я пришла сюда, чтобы кое-что тебе сказать.

— Ох? И что же? — спросил он.

— Что ты тупой... и уродливый. Важно, что это не просто что-то одно из этого, а и то и другое одновременно.

— Это я должна быть там, — вздохнула Афина, покачав головой. — Это просто печально. Ты не ценишь искусство оскорблять людей. Нельзя просто назвать кого-то тупым и уродливым, нужно давить на его больные места и неуверенность.

Тринити удивлённо моргнула, глядя на сестру.

— Например?

— Ну, если бы я хотела оскорбить Гламазон, то я бы сказала ей не то, что она глупая и уродливая, а то, что она не заслуживает той популярности, которую имеет, что её сила далеко не так хороша, как кажется на первый взгляд, и что её нос немного длинноват для лица её размера. Тебе нужно быть более конкретной, — пояснила Афина.

Эмили наклонилась и похлопала Афину по плечу, прося остановиться.

— Ладно, достаточно дружественного огня, — сказала она ей.

Гламазон в этот момент с довольно обеспокоенным видом ощупывала свой нос.

— Так что же срабатывает на погремушку? — спросила Тринити.

— Хм... — Афина немного высунулась из-за угла, чтобы взглянуть на злодея, который всё ещё обменивался колкостями с Тринити. Обмен заключался в том, что девочка издавала ртом пердящие звуки всякий раз, когда он начинал говорить. Это, очевидно, раздражало его.

— Ладно, он явно многое компенсирует этой кожаной курткой и маской-черепом. Я думаю, он на самом деле очень напуган, — заключила Афина.

Стоящая рядом с ней Тринити кивнула, и её тело, находившееся возле Погремушки, перестало издавать непотребные звуки.

— Я знаю, что ты боишься, — сказала Тринити.

— Я тебя не боюсь, — огрызнулся Погремушка.

Афина кивнула.

— Ты его не пугаешь. Но он боится. Он боится, что по-настоящему сорвётся, что из него никогда ничего не выйдет. Вот почему он приехал сюда, в О-Клер, потому что он так и не смог завести себе настоящих друзей в сообществе злодеев. Теперь он один, и он всегда будет один, потому что, что бы он ни делал, он всегда будет нелюбимым и в то же время никому не нужным.

Гламазон сделала небольшой шаг в сторону от Афины, и Эмили отчасти могла понять, чем вызвано такое желание.

Тринити, однако, просто ухмыльнулась и кивнула.

— А знаешь что? — обратилась она к Погремушке и начала с самодовольным видом обходить его по кругу, всё ещё сохраняя приличное расстояние между ними. — Я знаю, почему ты напуган.

— Ну конечно, — фыркнул Погремушка.

— Ты боишься не потому, что ты трус или потому, что ты самый слабый из злодеев в городе Босса. И даже не потому, что тебя пугает смерть. Ты боишься потому, что знаешь правду.

— Какую правду? — спросил Погремушка.

— Ты останешься одиноким. Навсегда, — сказала Тринити.

Афина кивнула и добавила:

— Потому что он из тех злодеев, чье лучшее злодейское умение — причинять боль самым близким людям.

Ухмылка Тринити стала шире.

— Потому что ты из тех тупых злодеев, которые причиняют боль близким людям. Потому что ты идиот. Ты боишься, поскольку знаешь, что в один момент ты порвёшься.

— Сорвёшься, — поправила Афина.

— И потому что ты знаешь, что независимо от того, что ты делаешь, или от того, сколько крутых кожаных пальто ты на себя нацепишь, ты никогда не станешь действительно крутым и не заведешь настоящих друзей, — продолжила Тринити. Затем, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, она снова показала ему язык.

— Скутер, — сказала Афина, её голос звучал несколько взволновано. — Он занервничал, когда ты приблизилась к нему.

— О! — воскликнула Тринити рядом с ней. — Ну, тогда я пну его!

Тринити, стоящая напротив Погремушки, рассмеялась и бросилась ко скутеру.

— Эй! — яростно воскликнул злодей.

Но было слишком поздно. Тринити уже добралась до маленького мотороллера. Она пнула ногой его подножку, отчего скутер завалился на бок и рухнул на тротуар. Падение сопровождалось громким треском, словно сломалось что-то пластиковое.

— Ах ты, маленькая дрянь! — прошипел Погремушка.

Тринити снова рассмеялась и бросилась бежать.

Прогремушка выбросил в её сторону руку, отчего по воздуху распространились странные колебания. Земля затряслась, и внезапно Тринити взорвалась пыльным облаком, которое быстро рассеялось.

Рядом с Эмили появилась новая Тринити.

— Упс, — сказала она. — Он разозлился.

— Всем занять позиции, — прошептала Эмили. — Бандитка, иди ещё немного поиздевайся над ним. Все остальные, прячьтесь.

Следуя своим собственным словам, Эмили тоже побежала обратно в укрытие. Уже вскоре она обнаружила себя, сгрудившейся за мусорным контейнером вместе с большинством своих сестер и... текущими союзниками.

У входа в переулок раздался смех Тринити, аккомпанементом к которому служили мощные удары Погремушки. Эмили пригнулась поближе к земле, когда мусорный контейнер и асфальт под ногами слегка задрожали. Даже кирпичные стены, образующие переулок, слегка завибрировали, и она заметила, как маленькие кусочки раствора высыпались из пространства между кирпичей.

— Ох-ох! — воскликнула Тринити, и побежала вглубь переулка.

Погремушка прогромыхал за ней. Буквально. Каждый шаг отдавался сильным грохотом, а земля дрожала, отчего бег Тринити превратился скорее в контролируемое падение. Она пронеслась мимо мусорного контейнера, показав Эмили поднятый вверх большой палец.

Снова послышался грохот.

Успех плана зависел от нескольких вещей, находящихся вне их контроля. Во-первых, они рассчитывали, что Погремушка не обрушит на них переулок, и, во-вторых, предполагалось, что, заходя в тёмный переулок с хорошо освещённой улицы, его зрение не успеет адаптироваться.

— Сейчас, — скомандовала Эмили.

Три вещи произошли одновременно.

Мэйпл активировала антивибратор, и дрожь резко прекратилась. Гламазон вызвала пару больших светящихся шаров яркого света, которые немедленно осветили переулок, и, наконец, Афина выкатилась из-за своего укрытия и подняла тостер-пушку.

Погремушка вскрикнул от удивления и машинально поднял руку, чтобы прикрыть глаза. Он сильно топнул ногой, однако, хоть его нога и вибрировала, земля никак не отреагировала на это действие.

В этот момент Афина выстрелила.

Она промахнулась, но, учитывая происходящий хаос, Эмили не могла винить её за это. Выстрел просвистел мимо, тяжелый удар рассек воздух, оставив после себя лишь маленькие хлебные частички.

С небольшим запозданием Погремушка пригнулся, пытаясь избежать удара, который уже прошел мимо него.

В этот момент Алеа Иакта вытянул из ниоткуда свою руку и коснулся спины злодея. Причём видно было только руку. Остальная часть тела Алеа была прикрыта пончо Тринити, одно надето на голову как капюшон, два других свисали с его тела, прикрепленные каким-то скотчем. С учётом темноты переулка, этого было достаточно, чтобы Погремушка его не заметил.

Почувствовав касание, злодей резко развернулся, но споткнулся о собственную ногу и даже близко не попал Алеа Иакте в лицо.

Тогда Гламазон бросила свои шары вперёд, и они приземлились возле злодея.

Погремушка отвлёкся на них и посмотрел вниз. Алеа Иакта отскочил назад и развернулся спиной к злодею.

Шары взорвались.

Погремушка попятился назад, ослеплённый, лишённый удачи, потерявший равновесие и более чем немного застигнутый врасплох. Эмили никогда не доводилось видеть его в столь ослабленном состоянии.

— Медведица, выруби его! — скомандовала Эмили.

Погремушка проморгался как раз вовремя, чтобы увидеть, как лапа Тедди обрушивается ему на лицо.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/75636/4650278>